

Мареты с Гу Яньли подъехали к дому семьи Бай. Гу Яньли, торопливо прижимая к себе шкатулку, выпрыгнул из повозки и велел слугам семьи Бай немедленно проводить его в покои Бай Цяня. Госпожа Линь, увидев его, поспешно произнесла:

— Янь-гэр, стой у вторых ворот, одного взгляда издали будет достаточно. Внутри сейчас и глава семьи, и два лекаря, так что всё под контролем.

Вчера, едва вернувшись домой, Бай Цянь заперся в своей комнате. Госпожа Линь, увидев его покрасневшие глаза, встревоженно расспросила Чжулин, не случилось ли чего, не обидел ли его Гу Яньли. Чжулин в подробностях пересказала всё, что произошло.

Госпожа Линь лишь усмехнулась:

— И стоит ли из-за этого так убиваться? Обычная детская ссора, разве из-за такого нужно доводить себя до слез?

Кто бы мог подумать, что Бай Цянь не выйдет даже к ужину. Госпожа Линь лично пришла позвать его, но ответа не последовало. Только тогда она поняла, что дело неладно: Бай Цянь всегда был хорошо воспитанным и послушным ребенком, с чего бы ему так себя вести?

Она велела слугам немедленно взломать дверь, и, войдя, обнаружила, что Бай Цянь в беспамятстве мечется в жару под одеялом. От страха лицо госпожи Линь побелело, и она сама едва не лишилась чувств.

К тому времени, как Бай Цзинь вернулся домой, в особняке царил полный хаос. Сначала решили, что это обычная детская простуда, велели лекарю и нянькам присматривать за больным, а Бай Цзинь сам обтирал сына, чтобы сбить жар. Но на второй день лучше не стало — тело мальчика по-прежнему горело.

Бай Цзинь, терзаясь тревогой за сына и за супругу, метался, словно муравей на раскаленной сковороде. Когда лекарь из поместья Гу осмотрел больного и сказал, что это оспа, Бай Цзинь наконец смог выдохнуть. Он распорядился, чтобы госпожа Линь не приближалась к сыну — сам он в детстве болел ветрянкой и повторно заразиться не должен был. Он велел лекарю поселиться в боковой комнате, следить за состоянием больного и готовить лекарства, а также приказал слугам, которые уже переболели оспой, заняться уборкой и дезинфекцией помещений и вещей. Кроме того, он отправил человека в поместье Гу, чтобы предупредить Гу Яньли, который был неразлучен с Бай Цянем, быть осторожнее. Только после этого он сам вошел в комнату, чтобы ухаживать за сыном.

Госпожа Линь, придя в себя, хотела было настоять на своем и помогать в уходе, но, узнав, что это оспа, снова побледнела от страха, хотя лекарь и заверил, что опасности нет. Услышав от мужа, что он берет заботы на себя, она почувствовала одновременно и облегчение, и беспокойство за сына. Однако ее собственное здоровье было слабым, и она понимала: если она заболит, мужу придется ухаживать еще и за ней. Ей оставалось лишь распорядиться, чтобы нянька пригласила Богиню оспы и установила в доме алтарь для молитв.

Услышав, что пришел Гу Яньли, она встревожилась. В доме уже всё было приведено в порядок, и если Гу Яньли сейчас подхватит заразу, как она потом будет объясняться перед кланом Гу?

Она поспешно вышла навстречу и, заметив, что у Гу Яньли заплаканные глаза, втайне удивилась.

Гу Яньли лишь попросил позволить ему взглянуть на Бай Цианя издалека, пообещав не входить в комнату. Госпожа Линь, видя, что он привел с собой много людей, решила, что сопровождающие не позволят ему войти, а его готовность рискнуть ради Аня тронула ее сердце. Она проводила его к дверям покоев Бай Цианя.

Все присутствующие, увидев, что Гу Яньли действительно лишь взглянул в щель приоткрытой двери, успокоились. Они рассудили, что, как бы дружны ни были юноши, Гу Яньли не станет так глупо рисковать собственной жизнью.

В этот момент подбежала нянька и доложила госпоже Линь, что статуэтку Богини оспы привезли, но монахиня сказала, что молиться должны именно кровные родители. Госпожа Линь в нерешительности посмотрела на Гу Яньли.

Тот поспешно сказал:

— Тетушка Линь, идите скорее, я постою здесь еще немного и уйду.

Убедившись в его искренности, госпожа Линь ушла вместе с нянькой.

Тяньмо подошел к Гу Яньли, который застыл, не отрывая взгляда от двери, и тихо прошептал:

— Третий молодой господин, нам пора идти. Это не то место, где вам стоит долго задерживаться.

Гу Яньли не ответил. В этот момент служанка, принеся горячую воду, приоткрыла дверь, и Гу Яньли внезапно рванулся вперед. Тяньмо не успел его схватить: юноша, словно порыв ветра, юркнул в комнату!

Слуги в ужасе замерли: вытащить его оттуда было невозможно, а если он останется внутри, им всем не сдобровать. Тяньмо тут же опустился на колени и громко взмолился:

— Третий молодой господин, умоляю, выходите! Если с вами что-то случится, нам всем не жить!

Гу Яньли с гордостью ответил:

— Вернетесь домой и скажете, что я сам настоял на своем и вы не смогли меня остановить. Какое вам до этого дело? Если матушка будет гневаться, скажите, что я вернусь и сам принесу ей извинения. Если вас будут наказывать, я дам каждому по десять лян серебра. Уходите скорее, я вернусь домой, как только Аню станет лучше.

Слугам ничего не оставалось, кроме как с кислыми лицами отправиться в поместье Гу. Они знали, что Гу Яньли всегда держит слово, и хотя хозяева, конечно, разгневались и высекли их, мысль о десяти лянах — годовом жалованье — немного утешала.

Тем временем Бай Цзинь, увидев ворвавшегося Гу Яньли, испугался. Он знал, что Гу Яньли не болел оспой, и понимал, что тот ни за что не согласится уйти. Он поспешно велел служанке

дать ему платок, смоченный в лекарственном отваре, чтобы прикрыть лицо.

Гу Яньли небрежно обмотал лицо платком и сказал Бай Цзиню:

— Дядюшка, не беспокойтесь, просто ухаживайте за Анем. Я с детства крепкий, разве так легко заразиться?

Несмотря на его слова, Бай Цзинь все же велел лекарю ежедневно варить для него полынь для защиты.

Гу Яньли в два шага подошел к кровати Бай Цианя и спрятал шкатулку под его постель. Лицо Бай Цианя, обычно нежное и чистое, сейчас пылало алым, а на коже проступили оспины. Его тонкие черты лица были искажены гримасой боли. Увидев это, Гу Яньли снова прослезился, отвернулся и украдкой вытер глаза. Бай Цзинь, видя его страдания, мягко успокоил его:

— Янь-гэр, не плачь. Как только оспины проявятся, ему станет легче. Если так волнуешься, присмотри за ним, чтобы он во сне не расчесывал лицо, хорошо?

Гу Яньли со слезами на глазах кивнул, взял у служанки платок и осторожно отер пот со лба Бай Цианя. Он сам поил его лекарством, и Бай Цзинь, видя, с каким усердием тот всё делает, смог немного разгрузить себя и заняться домашними делами, распоряжаясь через слуг за дверью.

Спустя два дня благодаря заботе Гу Яньли и остальных жар у Бай Цианя наконец спал. Лекарь, проверив пульс, поклонился Бай Цзиню:

— Господин, поздравляю! Через несколько дней оспины сойдут, и молодой господин полностью поправится.

Все несказанно обрадовались, и еще до полного выздоровления Бай Цианя матушка Бай распорядилась наградить всю прислугу в доме.

Когда жар спал, к Бай Цианю вернулись силы. Из-за того, что болезнь навалилась внезапно, он не успел спросить Сяо Мэй, есть ли у нее лекарства. В полузабытьи он слышал встревоженные крики Сяо Мэй и голос Гу Яньли.

Сначала он думал, что это галлюцинации, но, приоткрыв глаза, увидел не отца, а Гу Яньли, который вытирал ему пот. Заметив, что он очнулся, тот схватил его за руку и спросил, как он себя чувствует. Бай Циань хотел что-то сказать, но Гу Яньли перебил его:

— Не говори, отдыхай. Лекарь сказал, что раз жар спал, значит, самое страшное позади.

Бай Циань слабо кивнул.

В сознании он спросил Сяо Мэй, можно ли купить лекарство в долг. Сяо Мэй, которая могла общаться с ним, только когда он был в сознании, поспешно ответила:

— Хозяин, хотя у вас сейчас нет очков, я отправила экстренный запрос в Главную Систему, и теперь вы можете приобрести некоторые лекарства в кредит.

Маленькая куколка в голове Бай Цианя выглядела такой изможденной, что Сяо Мэй стало жаль его. Она протянула свои щупальца медузы и направила немного энергии в голову Бай Цианя.

— Хозяин, это моя основная энергия. Она поможет вам быстрее поправиться и не оставит шрамов!

Бай Циань, понимая, что основная энергия — вещь важная, встревоженно спросил:

— Сяо Мэй, не навредит ли тебе то, что ты отдала мне эту энергию?

Медуза покружилась перед ним:

— Будет совсем небольшое влияние, но как только вы выполните задание, Главная Система выделит мне часть энергии, полученной от возвращения в Малый мир. А если вы выполните много заданий, я смогу даже загадать желание Главной Системе!

Сяо Мэй говорила правду, но не всю. Основная энергия была самой важной для системы; при провале задания она уменьшалась, и если она исчезнет совсем, система распадется на осколки данных и растворится в Главной Системе. Но не стоило говорить об этом ее милому хозяину, иначе он снова расплечется, а у Сяо Мэй от этого заболит ее центральный чип.

Бай Циань понял, что она недоговаривает, и догадался, что эта энергия очень важна для нее. Если раньше у него были сомнения насчет заданий, то теперь, ради Гу Яньли, ради Сяо Мэй и своей семьи, он твердо решил сделать все возможное, чтобы спасти жизнь Гу Яньли.

Он взял в долг три пилюли: одну для собственного исцеления и две для защиты от оспы, которые незаметно, словно искры света, проникли в тела Бай Цзиня и Гу Яньли.

Бай Цзинь ничего не почувствовал, а Гу Яньли лишь нахмурился, ощутив, как что-то вошло в его кровь. Однако внезапно он почувствовал прилив сил, головокружение исчезло, и он решил, что это просто облегчение от того, что Бай Циань пришел в себя.

Бай Циань, завершив это дело, снова провалился в сон. Когда он очнулся в следующий раз, жар окончательно спал. Он увидел, что Гу Яньли дремлет, прислонившись к его кровати, и тихонько похлопал его по плечу.

Гу Яньли медленно открыл глаза, чувствуя себя словно во сне. Бай Циань слабо улыбнулся ему и предложил прилечь на кушетку.

Увидев, что Бай Циань очнулся, Гу Яньли и думать забыл об отдыхе. Он наклонился и коснулся его лба:

— Жар наконец спал. Тебе плохо? Хочешь что-нибудь поесть? Ты несколько дней ничего не ел.

Бай Циань покачал головой и, держа Гу Яньли за руку, прошептал:

— Спасибо.

Его сердце переполняла благодарность. Он знал от Сяо Мэй, что Гу Яньли, который сам не болел оспой, без колебаний пришел ухаживать за ним.

Раньше он боялся, что Гу Яньли превратится в избалованного повесу, как было описано в книге, и чувствовал себя неуверенно, думая, что в крайнем случае всегда можно отправиться в следующий мир. Но теперь, видя такую самоотверженность, он не мог не быть тронут. Это было крепче братских уз. Бай Циань не знал, как отплатить ему, кроме как искренностью за искренность.

Он дал себе клятву: он сделает все, чтобы Гу Яньли избежал своей участи. Даже если судьба окажется непреклонной и Гу Яньли все же отправят в изгнание, он просто устроит своих родителей и поедет вместе с ним. Он начнет зарабатывать деньги, чтобы обеспечить и свою семью, и семью Гу — это не должно быть проблемой.

<http://bllate.org/book/20696/2067698>